

I

Харви, поглощенный заживо

Февраль, как огромный серый удав, проглотил Харви Суика целиком, и теперь он, заживо погребенный во чреве месяца-душителя, гадал, удастся ли выбраться из смертельных объятий и дотянуть до Пасхи.

Шанс невелик. Скорее всего, с каждым часом ему будет все скучнее, и однажды он просто забудет, что надо дышать. А потом, наверное, люди станут думать: как это такой славный мальчик угас в расцвете лет? Тайна его смерти будет занимать многих, пока наконец не явится великий сыщик,

который догадается воссоздать один день из его жизни.

И лишь тогда свету откроется печальная истина. Сначала по тем же унылым улицам сыщик дотащится до школы. Потом займет место Харви за партой и будет вслушиваться в монотонный голос учительницы истории, а потом в бормотание учителя природоведения и недоумевать: как этому юному герою вообще удавалось держать глаза открытыми? А потом, в сумерках этого бессмысленного дня, проследит его путь домой и ступит на порог, с которого начал свой путь утром. Люди, конечно, начнут расспросы: мол, как же такой чудесный мальчик, как Харви, мог погибнуть, — а сыщик покачает головой и ответит:

— Очень просто.

— О-о-о! — ахнет любопытная толпа. — Как же?

И, смахнув скупую слезу, сыщик ответит:

— Харви Суика погубило отвратительное серое чудовище, и имя ему — февраль.

Кошмарный месяц, спору нет, унылый и тоскливый. Все прелести Рождества, все яркие и сладостные воспоминания уже стерлись и потускнели, а лето наступит так нескоро, что в него трудно поверить. Будут, конечно, весенние каникулы, но сколько их еще ждать? Пять, шесть недель? Харви был не силен в математике, так что не стоило и расстраиваться, пытаясь подсчитать дни: все равно ошибешься. Он просто знал: когда выглянет солнце, его будет уже не спасти; он истлеет в желудке у чудовища.

— Что ты впустую тратишь время? — сказала мама.

А Харви просто сидел у окна и смотрел, как дождевые капли бегут, одна за другой, по стеклу окна в его спальне.

— Мне нечего делать, — ответил он, не оглядываясь.

— Займись чем-нибудь полезным, — сказала мама.

Харви вздрогнул. «Что-нибудь полезное» обычно означало тяжкий труд. Он вскочил, подыскивая отговорки: он *этого* не сделал, *то* не закончил, — но было поздно.

— Для начала приберись в комнате.

— Но...

— Не трать время понапрасну, золотце. Жизнь слишком коротка.

— Но...

— Вот и умница.

С этими словами мама вышла. Ворча себе под нос, Харви осмотрел комнату. Беспорядка-то особого и не было. Одна-две игры лежат на полу, пара ящичков слегка выдвинуты, из них свисает кое-какая одежда, ну и на стульях тоже кое-что развешано. Нормальный вид.

— Мне уже *десять*, — сказал Харви сам себе. Братьев или сестер у него не было, так что ему часто приходилось разговаривать с самим собой. — Я не ребенок. И не обязан заниматься уборкой только потому, что *маме* так захотелось. Какая скукоптица! — Он уже не бормотал, а говорил в полный голос: — А я хочу... хочу... — Он подошел к зеркалу и спросил с усмешкой: — Чего бы я хотел?

Из зеркала на него смотрел курносый кареглазый мальчик с волосами прямыми и светлыми, как солома.

Мальчик в зеркале покачал головой.

— Не знаю я, чего хочу. Одно знаю: я умру от скуки. Точно умру!

Не успел он закончить фразу, как задребезжало окно. В него ударил порыв ветра, затем налетел со всего размаху еще один, потом еще и еще. Вроде бы окно было лишь слегка приоткрыто, но тут внезапно оно распахнулось полностью, мальчика окатило брызгами холодного дождя. Прикрыв глаза, он наощупь пересек комнату, захлопнул створку и проверил, что задвижка встала на место.

Ветер раскачал абажур под потолком. Харви обернулся.

Все кружилось перед глазами. Свет то слепил глаза, то падал на стену напротив. А посреди комнаты, освещаемый неровным светом, стоял незнакомец и стряхивал с шляпы капли дождя.

Выглядел он вполне безобидно. Всего на ладонь выше Харви, тощий, а кожа желтоватого оттенка. Образ дополняли шикарный костюм, пара очков и широкая улыбка.

— Вы кто такой? — как можно более строго спросил Харви, про себя соображая, как бы пробраться мимо незнакомца к двери.

— Не бойся, — ответил этот тип, стягивая замшевую перчатку с правой руки, чтобы поздороваться. — Меня зовут Риктус. А ты — Харви Суик, не так ли?

— Да...

— Я чуть не подумал, что попал не туда.

Харви не мог отвести взгляда от его ухмылки. Таким безупречно сияющим зубам позавидовала бы и акула.

Риктус тем временем снял очки и принялся протирать их, вытянув из кармана насквозь промокшего пиджака носовой платок. То ли от него самого,

то ли от платка шел аромат, далекий от приятного. Пахло, будто кто-то испортил воздух.

— У тебя, я вижу, есть вопросы, — заговорил Риктус.

— Да уж!

— Валяй. Мне нечего скрывать.

— Для начала, как вы сюда попали?

— Через окно, разумеется.

— Оно слишком высоко над мостовой.

— Не для тех, кто умеет летать.

— *Летать?*

— Конечно. А как еще передвигаться в такой гнусный вечер? Либо лететь, либо садиться в лодку. Нам, коротышкам, надо не зевать, когда льет такой дождина. Одно неверное движение — и ты

барахтаешься в воде. — Он вопросительно уставился на Харви. — Ты умеешь плавать?

— Летом плавал чуть-чуть, — ответил Харви, желая продолжить разговор о полетах.

Но Риктус повернул беседу совсем в иное русло:

— В такие вечера кажется, что лето вообще *никогда* не наступит, не так ли?

— Это точно, — согласился Харви.

— Я услышал, как ты вздыхаешь, в миле отсюда, и сказал сам себе: «*Вот* ребенок, которому необходимы каникулы». — Риктус взглянул на часы: — Если, конечно, ты располагаешь временем.

— Временем?

— Для путешествия, мой мальчик, для путешествия. Тебе, юный Суик, необходимо приключение. Где-нибудь... *подальше от этого мира*.

— Как вы могли меня услышать, если были в целой миле отсюда?

— Какая разница? Я тебя услышал. Остальное неважно.

— Это что, волшебство?

— Возможно.

— Почему вы не хотите объяснить толком?

Риктус прищурился:

— Слишком много вопросов ты задаешь, вот почему. Тебе же хуже. — Улыбка его стала чуть менее ослепительной. — Если тебе *не нужна* помощь — пожалуйста.

Он сделал движение в сторону окна. Ветер по-прежнему бился в стекло, словно хотел ворваться и унести своего пассажира прочь.

— *Постойте*, — сказал Харви.

— Ну, что еще?

— Извините. Я больше не буду задавать вопросов.

Риктус остановился, держа руку на оконной задвижке:

— Никаких больше вопросов, договорились?

— Обещаю, — сказал Харви. — И... я же извинился.

— И то верно, и то верно. — Риктус взглянул на дождевые потоки. — Я знаю местечко, где дни наполнены солнечным светом, а ночи — чудесами.

— И вы можете меня туда взять?

— Мы же договорились, юноша. Никаких вопросов.

— Ой, точно. Простите.

— Я мягок по натуре и забуду твои слова. Вот что я тебе скажу: если хочешь, поинтересуюсь от твоего имени, не найдется ли у них местечка еще для одного постояльца.

— Пожалуйста, спросите!

— Ничего не могу гарантировать, — сказал Риктус, открывая окно.

— Я понял.

Внезапный порыв ветра распахнул окно. Лампа закачалась пуще прежнего.

— Жди! — перекрикивая шум дождя и ветра, велел Риктус.

Харви хотел было спросить, скоро ли он вернется, но в последний момент прикусил язык.

— *Никаких вопросов, мальчик!* — При этих словах пиджак гостя надулся, словно черный воздушный шар, и Риктус взмыл с подоконника. — *Вопросы разъедают ум!* — крикнул он, подхваченный вихрем. — *Держи рот на замке, и посмотрим, как обернется дело!*

С этими словами ветер унес его прочь. В пелене дождя он был похож на черную луну.

II

Тайным путем

Харви не стал рассказывать папе с мамой о странном посетителе, опасаясь, что они поставят на окна запоры и Риктус не сможет вернуться. Беда была в том, что через пару дней он уже начал сомневаться, не привиделась ли ему вся эта история. Может, он просто вздремнул у окна, и Риктус ему приснился.

Однако он не терял надежды. «Жди», — сказал Риктус, и Харви ждал. Он смотрел в окно, когда был дома. Смотрел, сидя за партой в школе. Даже

засыпая, он одним глазом поглядывал в сторону улицы, но Риктус все не появлялся.

Примерно через неделю, когда Харви уже почти разуверился, ожидание его было вознаграждено. Очередным туманным утром по дороге в школу он услышал откуда-то сверху знакомый голос. Харви задрал голову: Риктус спускался к нему прямо с облаков, и пальто на нем раздулось, как парус, так что он выглядел толще призовой свиньи.

— Как делишки? — спросил он, приземляясь.

— Я уже решил было, что выдумал вас, — отвечал Харви. — Ну, знаете, увидел во сне.

— Мне частенько приходится слышать такое, — признался Риктус, и улыбка его стала еще шире. — Особенно от дам. Вы, говорят, моя мечта наяву. — Он подмигнул. — А я что, стану спорить? Нравятся тебе мои штиблеты?

Харви взглянул на ярко-голубые туфли Риктуса. Туфли были просто изумительные, он Риктусу так и сказал.

— Босс подарил, — похвастался тот. — Очень уж доволен, что ты согласился погостить. Так что, готов?

— Ну...

— Нечего зря время терять, — поторопил Риктус. — Завтра мест может не оказаться.

— Можно всего *один* вопросик?

— Мы же договорились...

— Я помню. Всего один?

— Хорошо. Но только один.

— Это далеко?

— Не-а. На том конце города.

— Так я, что, пропущу только пару уроков?

— Это уже второй вопрос.

— Нет-нет, я просто рассуждаю вслух.

Риктус хмыкнул:

— Слушай, я не собираюсь тут вокруг тебя плясать и уговаривать. Есть у меня приятель по имени Джайв, вот он мастер на такие дела. Мое дело — улыбаться. Улыбаюсь и говорю тебе: пойдём со мной в Дом Отдохновения. А кто не хочет идти — ну, пусть пеняет на себя.

С этими словами он отвернулся.

— Пойдите же! — запротестовал Харви. — Я хочу туда попасть. Но только ненадолго.

— Можешь пробыть там, сколько хочешь. Чуть-чуть или немного подольше. Я только хочу стереть хмурое выражение с твоего лица и увидеть вместо него... — Риктус заулыбался еще шире. — Это что, преступление?

— Нет, что вы, — испугался Харви. — Вовсе нет. Я так рад, что вы нашли меня. Правда.

Что с того, если он пропустит утренние уроки, не велика потеря. И может, пару уроков после обеда. Главное, успеть домой к трем. Или к четырем. Ну, в общем, до темноты.

— Я готов, — заявил он Риктусу. — Ведите. Куда идти?

Миллсап, городишко, в котором Харви жил с самого рождения, был совсем невелик, и мальчик был уверен, что знает его вдоль и поперек. Но вскоре знакомые улицы остались позади, и, хотя Риктус задавал приличный темп, Харви старательно запоминал приметы, по которым можно было бы в случае чего вернуться домой самостоятельно.

Лавка мясника с двумя свиными головами на крюках; церковь и при ней кладбище, полное старинных надгробий; памятник какому-то давно умершему генералу, от шляпы до шпор измазанный

голубиным пометом. Все это мальчик примечал и старался запомнить.

На ходу Риктус без умолку болтал о всякой ерунде.

— Терпеть не могу туман! Просто ненавижу, — говорил он. — А к полудню наверняка начнется дождь. Мы-то уже будем далеко. — От дождя он перешел к состоянию улиц. — Посмотри только на этот мусор, весь тротуар завалили! Позорище! А грязь!.. Во что превратятся мои прекрасные штилеты?!

Он все трещал, но не сообщал ничего интересного, и через некоторое время Харви перестал вслушиваться. «Интересно, далеко еще до этого Дома Отдохновения?» — гадал он. Туман пробирал до костей, и ноги уже ныли от усталости. Если они вот-вот до него не доберутся, он просто повернет домой.

— Хочешь, угадаю, о чем ты думаешь? — вдруг спросил Риктус.

— Спорим, что не угадаете.

— Ты думаешь, это все шутка, розыгрыш. Ты думаешь, Риктус ведет тебя неизвестно куда, а в конце таинственного пути — ничего. Так ведь?

— Ну, похоже.

— Так вот, мальчик мой. У меня для тебя новость. Подними голову, посмотри вперед.

Он вытянул указательный палец. Перед ними — совсем рядом — простиралась высокая стена, такая длинная, что края ее терялись в тумане.

— Что ты видишь? — спросил Риктус.

— Стену, — ответил Харви, хотя чем дальше он в нее вглядывался, тем меньше был уверен в том, что видит. Камни, такие прочные на первый взгляд, оказывается, дрожали и двигались.

— Похоже на стену, — сказал Харви, — но не стена.

— Ты очень наблюдателен, — отозвался Риктус с восхищением. — Большинство просто видят ту-пик, разворачиваются и идут другой улицей.

— Только не мы.

— Ни в коем случае. Мы продолжим путь. Знаешь, почему?

— Потому что Дом Отдохновения — по ту сторону?

— Что ты за *вос-хи-ти-тельный* ребенок! — воскликнул Риктус. — Именно так. Ты, кстати, есть хочешь?

— Умираю от голода.

— Ну-с, в Доме тебя ждет женщина, миссис Гриффин, и позволь заверить тебя, она величайшая кухарка в мире! Клянусь могилой моего портного. Она может приготовить абсолютно все, чего только ни пожелаешь. Только попроси. Ее «яйца дьябло», — он облизнулся, — само совершенство.

— А где же ворота?

— Их нет.

— И как же мы войдем?

— Иди, не останавливайся!

То ли из-за голода, то ли из любопытства Харви подчинился. Когда до стены оставалась всего пара шагов, между мерцающими камнями просочилась струйка воздуха, напоенного ароматом цветов, и ласково коснулась его щеки. После долгого холодного пути теплое прикосновение было так приятно, что мальчик прибавил шагу. Не успел он дотронуться до стены, камни словно потянулись ему навстречу, обхватили его за плечи и протолкнули сквозь ограду, сотканную из тумана.

Харви оглянулся, но улицы, по которой они пришли, с ее серыми тротуарами и серыми облаками, уже и след простыл. Под ногами расстился травяной ковер, полный цветов. Небо над головой было такое голубое, как бывает только в разгар лета. А впереди, на вершине большого холма, стоял дом, о котором можно лишь мечтать.

Харви было неважно, идет ли Риктус следом. И его больше не интересовало, как было уничтожено серое чудовище по имени Февраль и откуда возник этот теплый день. Он рассмеялся так радостно, что Риктус мог бы им гордиться, и поспешил вверх по холму, в тень Дома-мечты.

III

Радости и волнения

Как было бы здорово, думал Харви, самому построить такой дом. Глубоко в землю врыть фундамент, сложить стены и возвести перекрытия. Как здорово сказать: здесь ничего не было, а я выстроил этот дом. Очень здорово.

В Доме не было ничего помпезного. Ни мраморных ступеней, ни ребристых колонн. Это был Дом, полный достоинства, и ему было *чем* гордиться. В нем было четыре этажа, а окон — Харви сразу и сосчитать не смог. Широкое крыльцо вело к резным дверям; на крутых скатах черепичной крыши — великолепные дымовые трубы и громоотводы.